

# «Мой путь страстями затемнён...»

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 26 января, 2025

«Мой путь страстями затемнён...» «МОЙ ПУТЬ СТРАСТЯМИ ЗАТЕМНЁН...»

Мой путь страстями затемнен,  
Но райских снов в полнощном бденьи  
Исполнен дух, – и светлый сон  
Мне близок каждое мгновенье.

Живите, сны, в душе моей,  
В душе безумной и порочной,  
Живите, сны, под гнетом дней  
И расцветайте в час урочный!

В суровый час, когда вокруг  
Другие сны толпою властной  
Обстанут вокруг, смыкая круг,  
Объемля душу мглою страстной!

Плывите, райских снов четы,  
И силой бога всемогущей  
Развейте адские мечты  
Души, к гибели идущей.

11 февраля 1901 г.

## • Последняя часть философской поэмы

Ты, о Афина бессмертная  
С неумирающим Эросом!  
Бог бесконечного творчества  
С вечно творящей богинею!  
О, золотые родители  
Все вдохновенных детей!

Ты, без болезни рожденное,  
Ты, вдохновенно-духовное,  
Мудро-любовное детище,  
Умо-сердечное – ты!

Эроса мудро-блаженного,  
Мудрой Афины божественной,  
В вечном общении недремлющих,  
Ты – золотое дитя!

11 февраля 1901 г.

\* \* \*

Я понял смысл твоей печали,  
Когда моря из глубины  
Светила ночи возвращали  
В их неземные вышины.

Когда внезапным отраженьем  
Небесных тел в земных морях  
Я был повержен в изумленье, –  
Я понял твой заветный страх.

Ты опечалена природой –  
Общеньем моря и светил,  
И, без надежды на свободу,  
Устрашена согласьем сил.

11 февраля 1901 г.

\* \* \*

Или устал ты до времени,  
Просишь забвенья могил,  
Сын утомленного племени,  
Чуждый воинственных сил?

Ищешь ты кротости, благости,  
Где ж молодые огни?

Вот и задумчивой старости  
К нам придвигаются дни.

Негде укрыться от времени —  
Будет и нам череда...  
Бедный из бедного племени!  
Ты не любил никогда!

11 февраля 1902 г.

\* \* \*

С мирным счастьем покончены счета,  
Не дразни, запоздалый уют.  
Всюду эти щемящие ноты  
Стерегут и в пустыню зовут.

Жизнь пустынна, бездомна, бездонна,  
Да, я в это поверил с тех пор,  
Как пропел мне сиреной влюбленной  
Тот, сквозь ночь пролетевший, мотор.

11 февраля 1910 г.

\* \* \*

Седые сумерки легли  
Весной на город бледный.  
Автомобиль пропел вдали  
В рожок победный.

Глядись сквозь бледное окно,  
К стеклу прижавшись плотно.  
Глядись. Ты изменил давно,  
Бесповоротно.

11 февраля 1910 г.

## • Жизнь моего друга

1.

Весь день — как день: трудов исполнен малых  
И мелочных забот.  
Их вереница мимо глаз усталых  
Ненужно проплывет.

Волнуешься, — а в глубине покорный:  
Не выгорит — и пусть.  
На дне твоей души, безрадостной и черной,  
Безверие и грусть.

И к вечеру отхлынет вереница  
Твоих дневных забот.  
Когда ж в морозный мрак засмотрится столица  
И полночь пропоет, —

И рад бы ты уснуть, но — страшная минута!  
Средь всяких прочих дум —  
Бессмысленность всех дел, безрадостность уюта  
Придут тебе на ум.

И тихая тоска сожмет так нежно горло:  
Ни охнуть, ни вздохнуть,  
Как будто ночь на всё проклятие простерла,  
Сам дьявол сел на грудь!

Ты вскочишь и бежишь на улицы глухие,  
Но некому помочь:  
Куда ни повернись — глядит в глаза пустые  
И провожает — ночь.

Там ветер над тобой на сквозняках простонет  
До бледного утра;  
Городовой, чтоб не заснуть, отгонит  
Бродягу от костра...

И, наконец, придет желанная усталость,  
И станет всё равно...  
Что? Совесть? Правда? Жизнь? Какая это малость!  
Ну, разве не смешно?

11 февраля 1914 г.

2.

Поглядите, вот бессильный,  
Не умевший жизнь спасти,  
И она, как дух могильный,  
Тяжко дремлет взаперти.

В голубом морозном своде  
Так приплюснут диск больной,  
Заплевавший всё в природе  
Нестерпимой желтизной.

Уходи и ты. Довольно  
Ты терпел, несчастный друг,  
От его тоски невольной,  
От его невольных мук.

То, что было, миновалось,  
Ваш удел на все похож:  
Сердце к правде порывалось,  
Но его сломила ложь.

30 декабря 1913 г.

3.

Всё свершилось по писаньям:  
Остудился юный пыл,  
И конец очарованьям  
Постепенно наступил.

Был в чаду, не чуя чада,  
Утешался мукой ада,  
Перечислил все слова,  
Но – болела голова...

Долго, жалобно болела,  
Тело тихо холодело,

Пробудился: тридцать лет.  
Хвать-похвать, — а сердца нет.

Сердце — крашенный мертвец.  
И, когда настал конец,  
Он нашел весьма банальной  
Смерть души своей печальной.

30 декабря 1913 г.

4.

Когда невзначай в воскресенье  
Он душу свою потерял,  
В сыскное не шел отделение,  
Свидетелей он не искал.

А было их, впрочем, не мало:  
Дворовый щенок голосил,  
В воротах старуха стояла,  
И дворник на чай попросил.

Когда же он медленно вышел,  
Подняв воротник, из ворот,  
Тарашил сочувственно с крыши  
Глазищи обмызганный кот.

Ты думаешь, тоже свидетель?  
Так он и ответит тебе!  
В такой же гульбе  
Его добродетель!

30 декабря 1913 г.

5.

Пристал ко мне нищий дурак,  
Идет по пятам, как знакомый.  
«Где деньги твои?» — «Снес в кабак». —  
«Где сердце?» — «Закинуто в омут».

«Чего ж тебе надо?» – «Того,  
Чтоб стал ты, как я, откровенен,  
Как я, в униженьи, смиренен,  
А больше, мой друг, ничего». –

«Что лезешь ты в сердце чужое?  
Ступай, проходи, сторонись!» –  
«Ты думаешь, милый, нас двое?  
Напрасно: смотри, оглянись...»

И правда (ну, задал задачу!),  
Гляжу – близ меня никого...  
В карман посмотрел – ничего...  
Взглянул в свое сердце... и плачу.

30 декабря 1913 г.

6.

День проходил, как всегда:  
В сумасшествии тихом.  
Все говорили кругом  
О болезнях, врачах и лекарствах.  
О службе рассказывал друг,  
Другой – о Христе,  
О газете – четвертый.  
Два стихотворца (поклонники Пушкина)  
Книжки прислали  
С множеством рифм и размеров.  
Курсистка прислала  
Рукопись с тучей эпиграфов  
(Из Надсона и символистов).  
После – под звон телефона –  
Посыльный конверт подавал,  
Надушенный чужими духами.  
Розы поставьте на стол –  
Написано было в записке,  
И приходилось их ставить на стол...

После – собрат по перу,  
До глаз в бороде утонувший,  
О причитаньях у южных хорватов  
Рассказывал долго.  
Критик, громя футуризм,  
Символизмом шпынял,  
Заключив реализмом.  
В кинематографе вечером  
Знатный барон целовался под пальмой  
С барышней низкого званья,  
Ее до себя возвышая...  
Всё было в отменном порядке.

Он с вечера крепко уснул  
И проснулся в другой стране.  
Ни холод утра,  
Ни слово друга,  
Ни дамские розы,  
Ни манифест футуриста,  
Ни стихи пушкиньянца,  
Ни лай собачий,  
Ни грохот тележный –  
Ничто, ничто  
В мир возвратить не могло...

И что поделаешь, право,  
Если отменный порядок  
Милого дольного мира  
В сны иногда погрузит,  
И в снах этих многое снится...  
И не всегда в них такой,  
Как в мире, отменный порядок...

Нет, очнешься порой,  
Взволнован, встревожен  
Воспоминанием смутным,  
Предчувствием тайным...  
Буйно забьются в мозгу

Слишком светлые мысли...  
И, укрощая их буйство,  
Словно пугаясь чего-то, — не лучше ль,  
Думаешь ты, чтоб и новый  
День проходил, как всегда:  
В сумасшествии тихом?

24 мая 1914 г.

7. Говорят черти:

Греши, пока тебя волнуют  
Твои невинные грехи,  
Пока красавицу колдуют  
Твои греховные стихи.

На утешенье, на забаву  
Пей искрометное вино,  
Пока вино тебе по нраву,  
Пока не тягостно оно.

Сверкнут ли дерзостные очи —  
Ты их сверканий не отринь,  
Грехам, вину и страстной ночи  
Шепча заветное «аминь».

Ведь всё равно — очарованье  
Пройдет, и в сумасшедший час  
Ты, в исступленном покаяньи,  
Проклясть замыслишь бедных, нас.

И станешь падать — но толпою  
Мы все, как ангелы, чисты,  
Тебя подхватим, чтоб пятою  
О камень не преткнулся ты...

10 декабря 1915

8. Говорит смерть:

Когда осилила тревога,  
И он в тоске обезумел,  
Он разучился славить бога  
И песни грешные запел.

Но, оторопью обуянный,  
Он прозревал, и смутный рой  
Былых видений, образ странный  
Его преследовал порой.

Но он измучился — и ранний  
Жар юности простыл — и вот  
Тщета святых воспоминаний  
Пред ним медлительно встает.

Он больше ни во что не верит,  
Себя лишь хочет обмануть,  
А сам — к моей блаженной двери  
Отыскивает вяло путь.

С него довольно славить бога —  
Уж он — не голос, только — стон.  
Я отворю. Пускай немного  
Еще помучается он.

10 декабря 1915 г.

### • Пушкинскому дому

Имя Пушкинского Дома  
В Академии Наук!  
Звук понятный и знакомый,  
Не пустой для сердца звук!

Это — звоны ледохода  
На торжественной реке,  
Перекличка парохода  
С пароходом вдалеке.

Это — древний Сфинкс, глядящий

Вслед медлительной волне,  
Всадник бронзовый, летящий  
На недвижимом скакуне.

Наши страстные печали  
Над таинственной Невой,  
Как мы черный день встречали  
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали  
Открывала нам река!  
Но не эти дни мы звали,  
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих  
Кратковременный обман,  
Прозревали дней грядущих  
Сине-розовый туман.

Пушкин! Тайную свободу  
Пели мы вослед тебе!  
Дай нам руку в непогоду,  
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость  
Вдохновляла в те года?  
Не твоя ли, Пушкин, радость  
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый  
И родной для сердца звук  
Имя Пушкинского Дома  
В Академии Наук.

Вот зачем, в часы заката  
Уходя в ночную тьму,  
С белой площади Сената  
Тихо кланяюсь ему.

11 февраля 1921 г. Goşgular